

По всему городу раскатывалось ликующее эхо. В домах горожан загорались огни, люди один за другим выбегали на улицы и подхватывали громкие победные клики.

Сяо Чжигэ будто что-то почувствовал и вскинул взгляд кверху. Вытерев с лица кровь перемешку с потом, он поднял копьё из вороненого железа и мрачно выдохнул:

— В бой!

За его спиной гордо реял флаг с иероглифом «Чжи», а оглушительные боевые кличи сотрясали небеса.

Увидев внезапно появившегося Сяо Чжигэ, Хуянь Сюнь и его соратники поняли, что поражение неизбежно. Сжав зубы, Хуянь Сюнь переглянулся со своими двоими племянниками и со злобной ухмылкой бросил:

— И это вы твердили, что Сяо Чжигэ точно погибнет? Ну уж нет, я в этом участвовать больше не намерен!

С этими словами он взмахнул рукой, приказал бить в гонги и вместе со своими людьми стремительно отступил в противоположную сторону. Хуянь Атэ и Хуянь Чжи переглянулись: глядя на то, как грозно наступают войска Яньчжоу, им ничего не оставалось, кроме как с досадой побежать вслед за ним.

Сяо Чжигэ в железных доспехах и с длинным копьём в руке стоял перед городскими воротами. Лишь когда бэйдийцы скрылись из виду, он отдал приказ возвращаться в город.

Тяжелые ворота затворились за его спиной. Сяо Чжигэ сошел с коня и, сделав несколько быстрых шагов, увидел спускавшегося с городской стены Ань Чанцина.

Ань Чанцин был одет в не по размеру большую броню, а на его лице темнели пятна чужой крови — выглядел он не менее измотанным и потрепанным, чем сам Сяо Чжигэ. Его глаза покраснели, а зубы были крепко сжаты, когда он смотрел на Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ шагнул вперед, собираясь прикоснуться к нему, но Ань Чанцин уклонился и, не произнеся ни слова, повернулся и пошел прочь.

— Но-но... — Сяо Чжигэ схватил его за руку. Пошатнувшись, он устало обнял его со спины и уткнулся головой в плечевую ложбинку. — Дай мне просто поддержать тебя немного...

Ань Чанцин сжал пальцы в кулаки, но все же остался стоять неподвижно.

От автора:

Трусишка (виновато): ...Но-но, я ранен.

Но-но (с насмешкой): Так тебе и надо.

Трусишка: ... (Но-но такой суровый).

Высокое, мощное тело плотно прижималось к его спине. Голова мужчины покоилась у него на шее, уткнувшись лицом внутрь, а едва ощутимое теплое дыхание щекотало кожу. Лишь теперь Ань Чанцин почувствовал долгожданный покой от осознания: этот человек жив.

Сжатые пальцы расслабились. Заметив, как остальные колеблются и не смеют подойти, Ань

Чанцин слегка подтолкнул мужчину и тихо сказал:

— Отпусти меня, сначала вернемся.

Однако мужчина за его спиной даже не шелохнулся, его дыхание оставалось ровным.

Ань Чанцин с трудом повернул голову и оказался лицом к лицу с мужчиной. Те глубокие, острые глаза сейчас были закрыты, под ними залегли легкие тени, и даже опущенные ресницы казались наполненными усталостью.

Мужчина заснул, прямо так привалившись к его спине.

Вся досада и обида, охватившие Ань Чанцина при виде мужчины, мгновенно улетучились, уступив место щемящей жалости и безысходности. Ожесточившееся было сердце с каждым мгновением смягчалось. Ань Чанцину не хотелось будить его, но пришлось снова потрепать его за плечо:

— Князь, проснитесь. Вернемся — и заснешь.

Сяо Чжигэ уткнулся носом ему в шею и что-то неопределенно пробормотал.

Стоявший неподалеку Ци Вэй и остальные осторожно предложили:

— Может... мы отнесем генерала?

Ань Чанцин помялся, но все же качнул головой. Позволив мужчине остаться у него на спине, он крепко подпер его руки и, слегка повернув лицо, прошептал:

— Я отнесу тебя. Только не засыпай окончательно, я ведь тебя не утащу.

Сяо Чжигэ, казалось, услышал его и смутно отозвался, покорно позволив Ань Чанцину полунести-полувести себя в сторону поместья генерала.

Ци Вэй поцокал языком и с завистью вздохнул:

— Эх, когда и я найду себе такую красивую да нежную женушку? И откуда у генерала столько счастья?

— Я бы на твоём месте в ближайшие дни поменьше показывался в поместье генерала, чтобы не попасть под горячую руку, — фыркнул стоявший рядом Се Лин. Он отлично помнил, как ванфэй при виде генерала собирался развернуться и уйти — явно еще не остыл от гнева. Сейчас генерал только вернулся, а вот через пару дней неизвестно, во что выльется эта обида.

Се Лин заложил руки за спину и с самым серьезным видом произнес:

— Бэйдийцы отступили, в лагере сейчас дел невпроворот. Навещу генерала через несколько дней.

С этими словами он широким шагом быстро испарился.

Ци Вэй остался недоумевать и повернулся к Те Ху:

— Брат Те, ты понял, что Се Лин имел в виду?

Те Ху почесал затылок с таким же растерянным видом:

— Откуда мне знать! Разве он не всегда со своими тараканами в голове?!

...

Так Ань Чанцин и довел полусогнутого под его весом Сяо Чжигэ до поместья генерала. По пути немало добрых горожан порывались помочь, но Ань Чанцин лишь качал головой и отказывался.

Доведя его до комнаты, Ань Чанцин приказал Чэнь Су согреть воды, а сам принялся снимать с него доспехи.

Где мужчина пропадал все эти дни, оставалось загадкой: боевые доспехи, сверкавшие серебром перед отбытием, теперь были сплошь покрыты кровью и грязью, сапоги промокли насквозь, а белоснежное исподнее потемнело от грязи и пота.

Ань Чанцин с тревогой осмотрел рану на его левом плече и обнаружил, что она давно снова разошлась и засохла — багровая спекшаяся кровь намертво приклеила ткань к телу. Он попытался как можно осторожнее потянуть одежду, но ткань буквально срослась с плотью. Едва он чуть натянул ее, мужчина болезненно нахмурился.

Не смея больше рисковать, Ань Чанцин раздобыл ножницы, аккуратно разрезал рубаху на части и, полностью раздев мужчину, укрыл его одеялом.

Сяо Чжигэ, похоже, обессилел до предела: как бы Ань Чанцин ни переворачивал его, он так и не проснулся.

На его лице и теле толстым слоем лежала грязь, к тому же раны требовали обработки. Чэнь Су еще не вернулся с водой, поэтому Ань Чанцин распустил мужчине волосы и сам отправился за лекарем.

Вскоре после его ухода Чэнь Су вошел с кувшином горячей воды. Но стоило ему подойти к кровати, как он ощутил на себе чей-то острый взгляд. Вздвогнув, юноша невольно посмотрел на постель и встретил ледяной взор Сяо Чжигэ.

— Генерал... — Чэнь Су сжал плечи и тихо окликнул его.

Сяо Чжигэ ничего не ответил, лишь продолжал сурово смотреть на него. От этого взгляда у Чэнь Су зачесалась макушка от страха, он помешкал секунду, поставил воду и мгновенно выскочил из комнаты. Как раз в этот момент Ань Чанцин привел Ху Шифэя и увидел, как Чэнь Су удирает словно от привидения.

— Что произошло?

— Генерал очнулся, — ответил Чэнь Су.

Обрадованный Ань Чанцин поспешил в комнату и действительно увидел, что мужчина открыл глаза. Позвав его: «Князь!», он заметил, как тот, присмотревшись к нему несколько мгновений, снова сомкнул веки, и его дыхание постепенно выравнивалось.

Ху Шифэй прибыл в Яньчжоу вместе с Те Ху и всё это время помогал в военном лагере. Услышав о возвращении генерала, он тут же собрал снадобья и помчался в поместье. Но прямо у ворот столкнулся с выходившим Ань Чанцином, который без лишних слов утащил его за

собой.

Поправив одежды, Ху Шифэй подошел, осмотрел больного и сказал:

— Слишком переутомился. Однако рану долго не обрабатывали, ткань вросла в плоть. Придется аккуратно срезать ножницами. Иначе с потеплением начнется нагноение, а там и до повреждения жил недалеко.

У Ань Чанцина замирало сердце от его слов:

— Тогда режьте.

Заметив грязь на теле Сяо Чжигэ, Ху Шифэй откашлялся и предложил:

— После обработки рану лучшешний раз не тревожить. Ванфэй, не лучше ли сначала обтереть князя, сменить постельное белье, а потом я займусь раной? Несколько минут ничего не решат.

Ань Чанцин посчитал совет разумным и попросил Чэнь Су выпроводить Ху Шифэя обождать снаружи. Сам же, используя принесенную воду, выжал ткань и начал осторожно обтирать Сяо Чжигэ.

Помимо раны на плече, на теле Сяо Чжигэ виднелось множество больших и малых повреждений, затянувшихся коростой. Осторожно обходя их, Ань Чанцин сменил две бадьи воды, пока не смыл всю грязь. Затем влажным полотенцем промыл его волосы, снова завязал их и передел его в чистое исподнее. Лишь после этого велел внести свежие постельные принадлежности.

Возможно, чувствуя его рядом, на этот раз Сяо Чжигэ больше не просыпался.

Когда Ху Шифэй вернулся в комнату, в его руках была бутылка «Шаодаоцзы». В Яньчжоу любили крепкие напитки, а эта водка отличалась особой крепостью и дешевизной, отчего продавалась в каждой таверне.

Убедившись, что Ань Чанцин закончил приведение в порядок, Ху Шифэй открыл свой саквояж, достал кусок чистой марли, щедро смочил его в крепком алкоголе и приложил прямо к ране на левом плече Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ нахмурился и глухо застонал, на его шее вздулись синие жилы.

Ань Чанцин невольно сжал брови от этой картины, а Ху Шифэй без колебаний добавил:

— Ванфэй, будьте добры, удержите князя, чтобы он не дергался.

Ань Чанцину ничего не оставалось, кроме как разуться, забраться на кровать и, встав на колени с внутренней стороны, крепко прижать мужчину к матрасу.

Ху Шифэй раз за разом промывал рану крепким пойлом, а затем вытащил острые ножницы, ополоснул их в спирте и принялся иссекать отмершую плоть.